

УДК 347

UDC 347

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ
АКЦИОНЕРНОГО СОГЛАШЕНИЯ**

**LIABILITY FOR BREACH OF
SHAREHOLDER AGREEMENT**

Камышанский Владимир Павлович
д.ю.н., профессор

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich
Dr.Sci.Law, professor

Параскевова Светлана Андреевна
д.ю.н., профессор

Paraskevova Svetlana Andreevna
Dr.Sci.Law, professor

Попова Юлия Александровна
д.ю.н., профессор

Popova Julia Aleksandrovna
Dr.Sci.Law, professor

Мнацакян Анна Семеновна
к.ю.н., доцент
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Mnatsakanyan Anna Semenovna
Cand.Law.Sci., associate professor
*Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russia*

В статье проведен анализ норм акционерного законодательства, предусматривающих ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение акционерных соглашений. Рассмотрены отдельные способы защиты прав акционеров

The article analyzes company law rules providing for liability for non-performance of shareholder agreements. Ways to protect shareholders` right are reviewed

Ключевые слова: АКЦИОНЕРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ, ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, УБЫТКИ, ВЗЫСКАНИЕ НЕУСТОЙКИ, ВЫПЛАТА КОМПЕНСАЦИИ, АКЦИИ

Keywords: SHAREHOLDERS` AGREEMENT, CIVIL LIABILITY, LOSSES, PENALTY COLLECTION, COMPENSATION PAYMENT, ACTIONS

Появление и стремительное развитие института акционерных соглашений в российской корпоративной практике было вызвано в первую очередь появлением на российском рынке иностранных инвесторов, стремящихся обеспечить адекватную юридическую защиту осуществляемых вложений. Прежде всего это относится к институциональным инвесторам, имеющим жесткие стандарты управления юридическими рисками.

Впервые институт акционерных соглашений в России был введен Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и в статью 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 03 июня 2009 года.

До принятия указанного закона российское законодательство не предусматривало возможности заключения акционерных соглашений, но и

не запрещало этого – при условии соблюдения императивных норм Гражданского кодекса и Федерального закона «Об акционерных обществах» [1].

Акционерные соглашения широко используются в России с начала 1990-х гг. Не будет преувеличением утверждать, что в современной России практически ни один крупный инвестиционный проект, реализуемый несколькими участниками в рамках акционерных отношений, не обходится без использования института акционерных соглашений.

Тем не менее, российские компании, решившие заключить акционерные соглашения, сталкивались с большим количеством проблем в применении таких соглашений из-за неурегулированности этого вопроса на законодательном уровне.

Как разновидность гражданско-правового договора акционерные соглашения имеют свою специфику содержания (прав и обязанностей участников).

Пункт 1 ст. 32.1 Закона об АО содержит довольно широкую формулировку относительно того, какие права могут являться предметом такого соглашения. Речь идет как о правах, представляемых акционеру акциями, так и о его правах на акции. Хочется надеяться, что в ходе правоприменительной практики положения ст. 32.1 будут толковаться судами достаточно либерально, что позволит сторонам урегулировать в рамках соглашения акционеров значительную часть вопросов, традиционно являющихся предметом таких договоров.

В числе таких прав и обязанностей можно выделить следующие:

1. Голосование определенным образом.

Согласно данному пункту, участники соглашения акционеров обязуются осуществлять свои права, удостоверенные акциями, определенным образом.

2. Согласованные действия.

Пунктом 1 ст. 32.1 Закона об АО предусмотрена возможность установить обязанность для акционеров «согласовывать вариант голосования с другими акционерами», а также «осуществлять согласованно» действия, связанные с управлением обществом, с его деятельностью, реорганизацией и ликвидацией.

3. Запрет на обязательство голосовать согласно указаниям органов управления.

Согласно п. 2 ст. 32.1 Закона об АО, предметом акционерного соглашения не могут быть обязательства стороны акционерного соглашения голосовать согласно указаниям органов управления общества, в отношении акций которого заключено данное соглашение.

4. Обязанность воздерживаться от осуществления прав.

Согласно п. 7 ст. 32.1 Закона об Акционерных обществах (далее – Закон об АО), «акционерным соглашением могут предусматриваться... меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязательств. Права сторон акционерного соглашения, основанные на этом соглашении, в том числе права требовать возмещения причиненных нарушением соглашения убытков, взыскания неустойки (штрафа, пеней), выплаты компенсации (твердой денежной суммы или суммы, подлежащей определению в порядке, указанном в акционерном соглашении) или применения иных мер ответственности в связи с нарушением акционерного соглашения, подлежат судебной защите».

Как видно из содержания данного пункта, речь, прежде всего, идет о различного рода денежных выплатах, которые могут быть возложены на нарушителя.

Возмещение убытков в силу трудности их доказывания, а также взыскание неустойки из-за возможности ее неограниченного уменьшения судом не всегда смогут быть адекватным ответом на несоблюдение

акционерного соглашения его стороной (например, в случае ее отказа продать свои акции в обществе при наступлении определенных условий, когда другая сторона - инвестор - рассчитывала на приобретение в этом случае контроля над АО).

На стадии разработки и обсуждения изменений в Законе об АО указывалось, что фактически единственным реальным способом защиты потерпевшей стороны акционерного соглашения должна стать выплата определенной суммы, размер которой не должен уменьшаться судами, как это происходит с неустойкой в силу ст. 333 ГК РФ [2].

В результате в Закон об АО было введено понятие компенсации, которая представляет собой денежную сумму, твердую либо подлежащую определению в порядке, указанном в акционерном соглашении.

По мнению Д.В. Ломакина, фиксация в соглашении твердой компенсации, по сути, означает установление так называемых твердых убытков (*liquidated damages* в английском праве) [3].

Вместе с тем, с этим трудно согласиться, исходя из недопустимости твердых убытков в российском праве ввиду принципа полного возмещения убытков. Во-первых, в анализируемой норме такой способ защиты прав, как возмещение убытков отделен от компенсации. Если бы законодатель применительно к возмещению убытков установил, что стороны в соглашении вправе оценить размер убытков, и он не подлежит доказыванию, то в этом случае подобное мнение могло бы претендовать на истинность.

Сама же возможность устанавливать заранее размер убытков является спорной в юридической науке. В.В. Васькин доказывал, что нормативные (нормированные в договоре) убытки противоречат сущности возмещения убытков. По его мнению, в результате нормирования убытков в договоре возникает несоответствие размеров взыскиваемых и фактических убытков, что подрывает эффективность самого института возмещения убытков [4].

Представляется, что поскольку в данном случае компенсация упоминается наряду с неустойкой в числе мер ответственности, то ее следует отличать от неустойки (пени, штрафа) и размер ее не может быть изменен судом по правилам ст. 333 ГК РФ [5]. Вопрос о правовой природе компенсации является дискуссионным, но, на наш взгляд, ее включение в ст. 32.1 Закона об АО выступает аналогом штрафных выплат, известных иностранному праву: *punitive damages*, *liquidated damages* и т.п. На практике компенсация при условии, что ее размер не будет уменьшаться судами в произвольном порядке, сможет стать существенной гарантией исполнения акционерного соглашения его сторонами.

Стоит обратить внимание на то, что ничего не говорится о принуждении нарушителя акционерного соглашения к исполнению своих обязательств в натуре. Этот момент является особенно важным в случае нарушения обязательств по голосованию, поскольку, согласно п. 4 ст. 32.1 Закона об АО, нарушение акционерного соглашения не может являться основанием для признания недействительными решений органов общества.

В литературе высказывается мнение относительно правомерности понуждения стороны акционерного соглашения к исполнению обязательства в натуре. Вместе с тем констатируется очевидная проблематичность при реализации данного способа защиты. В частности, по словам Д.В. Ломакина, «...в связи с особенностью предмета акционерного соглашения в случае неисполнения его условий потерпевшая сторона практически лишена возможности использовать такой способ защиты нарушенных прав, как предъявление требования о присуждении исполнения обязательства в натуре. Практика применения английского права, допускающего понуждение к исполнению в натуре обязательств, порожденных акционерным соглашением, также показывает,

что применение данного способа защиты сопряжено со значительными трудностями» [6].

Полагаем, что принуждение к исполнению в натуре является возможным, так как п. 7 ст. 32.1 Закона об АО допускает применение «иных мер ответственности в связи с нарушением акционерного соглашения». Согласно ст. 12 ГК РФ, присуждение к исполнению обязанности в натуре является одним из способов защиты гражданских прав. При этом целесообразно будет прямо предусмотреть данную меру ответственности в самом соглашении акционеров. Следует, однако, учитывать, что ее действие все-таки будет ограничено [7].

Например, на собрании акционеров решается вопрос об одобрении крупной сделки. В соответствии с соглашением акционеров участники договорились, что будут голосовать против этого. Тем не менее, один из них все-таки голосует за совершение сделки. Если суд впоследствии признает, что данный участник допустил нарушение своего обязательства по голосованию, предусмотренного соглашением, и вынесет решение о принуждении его к исполнению указанного обязательства в натуре, то это будет возможно только на собрании акционеров, предметом которого будет одобрение решения об отмене/изменении ранее принятого решения об одобрении сделки. Даже если признать, что решение об отмене/изменении ранее принятого решения может быть принято на собрании акционеров и суд будет либерально толковать положения п. 7 ст. 32.1 Закона об АО, то исполнение указанного обязательства в натуре действительно будет эффективным средством правовой защиты, только если к моменту принятия на собрании акционеров решения об отмене/изменении ранее принятого решения указанная крупная сделка еще не заключена. В этой связи участникам соглашения акционеров лучше не допустить (или по крайней мере затруднить) возникновение такой ситуации, чем заниматься устранением ее последствий.

С учетом вышесказанного более эффективным способом защиты интересов всех участников общества от подобных ситуаций было бы предоставление безотзывных полномочий одному из участников соглашения или независимому третьему лицу, избранному для голосования от имени всех участников их акциями. При этом целесообразно предусмотреть, что на период действия таких полномочий иные участники не могут самостоятельно голосовать своими акциями общества (т.е. все голосование осуществляется только через представителя). К сожалению, в нашем законодательстве возможность выдачи безотзывных доверенностей не предусмотрена, что делает соглашения акционеров по российскому праву менее привлекательными.

Не менее важным является вопрос о том, может ли участник соглашения акционеров, не согласный с решением остальных участников относительно варианта голосования, за который все участники соглашения обязаны голосовать на собрании акционеров, привлечь последних к ответственности за нарушение ими акционерного соглашения (или получить судебное решение, запрещающее участникам акционерного соглашения голосовать за соответствующий вариант голосования) на том основании, что одобренный ответчиками вариант голосования является неверным с коммерческой точки зрения. Полагаем, что для привлечения к ответственности за нарушение соглашения акционеров (включая вынесение судебного решения о запрете на голосование определенным образом) истцу недостаточно доказать, что одобренный ответчиками вариант голосования является неверным с коммерческой точки зрения. Данный вывод основан на следующем.

1. Статья 32.1 Закона об АО не предусматривает возможность привлечения участников соглашения акционеров к ответственности или вынесение судом решения о запрете на совершение каких-либо действий только на том основании, что действия (например, голосование по вопросу

повестки дня), которые они совершили/планируют совершить, являются коммерчески неверными. Согласно п. 7 ст. 32.1 Закона об АО, ответственность наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из соглашений акционеров, и именно это надо доказывать истцу. Иными словами, истцу необходимо доказывать не то, что согласованное решение как таковое является коммерчески неверным, а то, что само согласование (одобрение) такого решения ответчиками в качестве решения, за которое участники соглашения обязаны голосовать на собрании акционеров, как раз и является неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих обязательств из соглашения акционеров перед истцом. Полагаем, что при отсутствии явных формальных нарушений доказать данное обстоятельство в суде может быть непросто.

2. Спор о том, какой вариант голосования более правильный, по сути, является коммерческо-экономическим, а не юридическим. Судьи же рассматривают именно юридические споры (т.е. споры о нарушении законодательства и соглашений сторон), а не определяют, какое из решений является оптимальным для компании с коммерческо-экономической точки зрения. Данное обстоятельство также свидетельствует в пользу того, что истцу надо концентрироваться на формальных нарушениях, а не на общих заявлениях о том, что согласованное решение было экономически необоснованным.

3. Коммерческая деятельность всегда сопряжена с риском, и в бизнесе практически нет и не бывает вариантов действия, которые были бы на сто процентов правильными. В этой связи было бы нелогично запрещать участникам соглашения акционеров согласованно голосовать или требовать от них возмещения каких-либо убытков истца только в силу того, что принятое решение могло быть неверным по коммерческим

основаниям, особенно если учитывать, что иные варианты голосования также имеют свои достоинства и недостатки в коммерческом плане.

Полагаем, что суды могли бы принимать во внимание аргумент о том, что согласованный вариант голосования является коммерчески неверным, вместе с другими аргументами в споре о злоупотреблении правом/умышленном причинении вреда обществу ответчиками - участниками соглашения акционеров, согласовавшими соответствующий вариант голосования. Однако с учетом вышесказанного недостаточно просто показать, что вариант голосования, за который участники соглашения акционеров приняли решение проголосовать на собрании акционеров, связан с рисками и на собрании акционеров было бы разумнее голосовать за иной вариант. Считаем, что истцы, желающие использовать такой «коммерческий» аргумент, должны представить явные и бесспорные доказательства того, что согласованный вариант голосования однозначно и полностью неверен с коммерческой точки зрения и причинил (обязательно причинит) существенный вред обществу. Более мягкие критерии допуска «коммерческого» аргумента, по сути, означали бы, что суды вместо решения юридических споров фактически будут вынуждены действовать в качестве коммерсанта, определяющего за участников спора оптимальную с коммерческой точки зрения стратегию и тактику ведения бизнеса.

С учетом вышесказанного, полагаем, что акционер, не согласный с принятым решением относительно варианта голосования, за который участники соглашения акционеров должны проголосовать на собрании акционеров, как правило, должен доказывать в суде только формальные аспекты правонарушения, как это указано выше, а не то, что согласованное решение по вопросу голосования неверно с коммерческой точки зрения. Иными словами, в законодательстве РФ было бы правильным предусмотреть аналог так называемого *business judgment rule*,

существующего в странах общего права. Данный подход представляется адекватным также и потому, что в соглашение акционеров можно включить положения, позволяющие акционеру, не согласному с согласованным вариантом, потребовать от других участников выкупить его акции по их рыночной стоимости, существовавшей до момента голосования. Тем самым его интересы будут защищены.

В заключение хотелось бы отметить, что, согласно п. 7 ст. 32.1 Закона об АО, наряду с мерами ответственности акционерным соглашением могут предусматриваться и «способы обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из акционерного соглашения».

В соответствии с п. 1 ст. 329 ГК РФ стороны соглашения могут предусмотреть и иные способы обеспечения обязательств, помимо прямо поименованных в законе, например сделку купли-продажи акций, заключенную под условием [8].

В законопроекте 2007 г. в качестве способа обеспечения исполнения обязательств по акционерному соглашению прямо указывалось соглашение, предусматривающее передачу акций в случае нарушения акционерного соглашения. В новой редакции Закона такое положение отсутствует.

Ни в законопроекте 2007 г., ни в новой редакции Закона исполнение соглашений в натуре не упоминается в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. Большинство российских юристов отрицают возможность исполнения соглашений в натуре не только в отношении акционерных соглашений, но в и целом [9].

Список литературы

1. Об акционерных обществах: ФЗ РФ от 26.12.95 в ред. ФЗ от 30.11.2011// СЗ РФ. – 1996. – №1. – Ст.1.
2. Стенограмма заседания Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 29.10.2007.
3. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. N 8. С. 19.
4. Лазарев О.А. Вопрос-ответ // СПС Консультант Плюс, 2011.
5. Васькин В.В. Возмещение убытков в гражданско-правовых обязательствах: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1971. С. 31 - 32.
6. Ломакин Д.В. Указ. соч. С. 20.
7. Поваров Ю.С. Последствия нарушения акционерного соглашения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. - №5.
8. Сарбаш С.В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. - 2008. - № 1. - С. 32.
9. Иванов А., Лебедева Н. Соглашения акционеров: шаг вперед или топтание на месте? // Корпоративный юрист. - 2008. - № 9. - С. 51.